

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-157-172

УДК 93/94

ПЕРЕСТРОЙКА ВИДЕОДЕЛА (1985–1988): ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ

Моисеенко Арсений Дмитриевич

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

amoiseenko@eu.spb.ru

Аннотация. Перестройка стала временем значительных трансформаций во многих сферах жизни советского государства. Сложившиеся структуры системы управления претерпевали изменения, предопределившие сдвиги социально-экономической конъюнктуры. Это находило отражение в новой идеологической риторике и практиках потребления. Все эти контексты нашли свое воплощение в сфере распространения видео на территории страны. Государственные институты изменили подход к новой технологии, которая из «подпольной» должна была превратиться в массовую. Освоение видео вызывало целый ряд вопросов о том, какие способы реализации программы массового вовлечения граждан в феномен видео считать легальными, а какие — нет. Статья посвящена постановке проблемы в рамках институционального аспекта развития видео. Основная часть исследования представляет собой обзор акторов, вовлеченных в этот процесс. В работе дифференцируются способы снабжения и распределения организаций «старого» и «нового» типа, проводится граница между государственными и частными инициативами, а также анализируются типы взаимодействия различных по своему характеру социально-экономических агентов. Особое место в тексте отведено вводной проблематизации вопроса о видеопиратстве, которое являлось следствием конфликтов и противоречий между ведомствами, а также вновь образовывавшихся лакунов в деле освоения видеотехнологии.

Ключевые слова: видео, видеосалон, перестройка, кинематограф, Госкино, кооперативы, видеопиратство.

Цитирование: Моисеенко А.Д. Перестройка видеодела (1985–1988): государственный контроль и его ограничения // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 157–172. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-157-172 / Moiseenko A.D. The Video Sphere during Perestroika (1985–1988): State Control and Its Limitations, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 3. Pp. 157–172. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-157-172.

© Моисеенко А.Д., 2023

THE VIDEO SPHERE DURING PERESTROIKA (1985–1988): STATE CONTROL AND ITS LIMITATIONS

Moiseenko Arseniy D.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
amoiseenko@eu.spb.ru

Abstract. Perestroika became a time of significant transformations in many areas of the Soviet state's life. The existing structures of the management system were undergoing changes that predetermined shifts in the socio-economic conjuncture. It was reflected in the new ideological rhetoric and consumption practices. All these contexts have found their objectivation in the field of video distribution throughout the country. State institutions have changed the approach to the new technology, which was supposed to turn from "underground" into mass. Developing the video sphere raised questions about which ways to implement the program of mass involvement of citizens in the video phenomenon are considered legal and which are not. The article is devoted to the formulation of problems within the framework of the institutional aspect of video development. The main part of the study is a brief review of the main actors involved in this process. The work differentiates the methods of supply and distribution of the "old" and "new" types, draws a line between public and private initiatives, and analyzes the types of connection of socio-economic agents of different nature. A special place in the text is given to the introductory problematization of the issue of video piracy, which was the result of conflicts and contradictions between departments, as well as newly formed gaps in the development of video technology.

Keywords: video, video room, perestroika, cinema, Goskino, cooperatives, video piracy.

«Над страной
Категорический императив
“Какой
открыть кооператив?”
Мой подельник
открыл продажу видеоденег.
Видеосмирившись, видеонарод
в видеомилицию видеоидет.
Видеопрогнозы.
Видеоразмах.
И видеослезы на похоронах».

Андрей Вознесенский «Видеопозма».

«Видеопозма» была опубликована в «Литературной газете» поэтом А. Вознесенским в 1988 г. [Вознесенский, 1988, с. 6]. В произведении реальность была представлена миром, поглощенным новой цифровой технологией. Вознесенский тонко прочувствовал и представил в гиперболизированной форме тенденцию, согласно которой видеофикация стремительно проникала во все сферы жизни трансформирующегося общества. Видео существовало в СССР и до 1985 г., но представляло собой «подпольное» развлечение, недоступное для большинства граждан страны. В годы перестройки подход к этой технологии кардинально изменился. Партия и государственные институты выбрали путь интеграции видео в контекст вполне законного массового потребления. Это вынуждало реализовывать задуманное на практике и, соответственно, строить механизмы исполнения проекта с помощью уже существующих ведомств. Таким образом, изучение истории освоения видеодела способно продемонстрировать пути трансформации государственных институтов, а также высветить те зазоры, которыми была наполнена действительность. Это особенно значимый аспект, поскольку он позволяет проследить, как в СССР появлялись новые экономические, политические, культурные и другие агенты, формирующие новый порядок устройства социальной реальности.

Историография вопроса носит скорее разрозненный характер, хотя некоторая важная часть сюжетов все же проанализирована исследователями. Необходимый контекст для понимания феномена видео в позднем СССР связан с неформальной или полуправовой циркуляцией электроники, которая формировала особые практики потребления в обществе, связанные с различными способами приобретения и продажи магнитофонов и кассет [Иванова, 2017, с. 139–145]. Видеотехника также стала для позднесоветских субъектов не только важным маркером способов проведения обменных операций, но и инструментом, создававшим потребительские паттерны в сравнении со способами взаимодействия с другими аудиовизуальными продуктами [Косинова, 2016, с. 248–251]. Не меньшее значение имеют исследования, посвященные изучению видео как технологической новации, способной преобразовывать специфику отдельных жанров кино. Например, применительно

к документальному — видео позволяло оптимизировать процесс производства картин, поскольку видеоизменялось определение категории экспертности в данной области¹ [Alpert, 2014, p. 26–27, 108–109]. Кроме того, историография вопроса не лишена описаний некоторых аспектов функционирования институтов и локальных практик повседневной реальности, связанных с видеоконтекстом [см., напр.: Lawton, 2002, p. 120–130]. Однако все представленные изыскания скорее были побочными сюжетами в рамках более широких научных проблем.

В этой статье нет задачи обобщить все контексты, связанные с развитием видеодела в годы перестройки. Ввиду того, что история видео в СССР в исследованиях пока не имеет систематического обобщения, представляется релевантным кратко представить основных акторов, которые были задействованы в процессе освоения новой технологии, а также обозначить точки соприкосновения их интересов и конфликтов. Актуальность работы обусловлена поиском ответа на вопрос о том, каким образом «старые» и «новые» институты, ведомства и иные структуры трансформировали распределительные механизмы в период «революционного обновления»². Источниками для проведенного исследования стали материалы периодической печати перестройки — газеты и журналы как общесоюзного масштаба, так и локального. Как правило, массив этих текстов трудно привести к общему тематическому знаменателю, поэтому перечень контекстов, анализ которых возможен на их основании, достаточно широк. Для данной статьи использовались сведения о некоторых особенностях открытия первых государственных видеотек и салонов, о новых практиках распространения и потребления видео, а также о трудностях, с которыми сталкивались советские официальные институты в процессе видеофикации страны. Рассматриваемые архивные материалы имели преимущественно ведомственный характер. В первую очередь, они позволили описать тенденции взаимодействия между республиканскими и общесоюзными организациями в системе Госкино СССР. Кроме того, изучались такие виды источников как отчетные материалы, переписки и приказы, которые демонстрируют сотрудничество и конфронтацию как внутри иерархии инстанций (например, между Совмином СССР и ВПТО «Видеофильм»), так и вне ее (например, между учреждениями Госкино и ВЦСПС или ВЛКСМ).

Хронологические рамки исследования определены периодом 1985–1988 гг. Выбор границ обусловлен тем, что с конца 1988 г. имеет смысл обозначать новую главу в истории видеодела, поскольку государственные институты начали формировать принципиально иной подход к регулированию распространения феномена в СССР.

На заре перестройки схема управления кинематографией в стране работала по прежним канонам. Ведущей организацией был Государственный комитет по

¹ О преимуществах видео относительно привычной пленки неоднократно высказывалась режиссер М. Голдовская [см., напр.: Черниговский, 1987, с. 15].

² Такой оборот неоднократно использовался в текстах эпохи как синоним термина «перестройка» [см., напр.: Горбачев, 1987, с. 31].

кинематографии СССР, непосредственно подчиненный Совету Министров Союза. Поскольку Госкино было организацией союзно-республиканского характера, ведомство имело представительство в каждой отдельно взятой республике в виде комитетов кинематографии локального характера. Госкино СССР наряду с определением репертуарной политики занималось и вопросами экономического распределения. В свою очередь, локальные организации выполняли плановые мероприятия по производству и реализации кинопродукции в регионах. При этом, система управления кинематографией имела двухступенчатую структуру, поскольку локальный комитет был подчинен не только Госкино СССР, но и республиканскому Совету Министров. Этот сложный механизм мог с относительной эффективностью функционировать в реалиях централизованного процесса принятия решений до того момента, пока все принципиальные управленческие вопросы решались исключительно Советом Министров СССР. Однако годы перестройки стали временем трансформации такого механизма ведомственной организации.

В такой институциональной реальности начали разворачиваться первые попытки государственного освоения видео в СССР. Актуальность реализации такого проекта активно обсуждалась в СМИ. Аргументы, как правило, сводились к тому, что видео способствует решению проблем не только технологического свойства (в частности, вопроса о дефиците киноплёнки) [см., напр.: Кудрявцев, 1988, с. 27–31; Сильванович, 1988, с. 28–32], но и станет важным средством обновления нравственных основ общественной жизни [см., напр.: Легостаева, 1986, с. 3; Стадниченко, 1987, с. 3]¹.

Первые видеотеки и видеозалы открывались в Воронеже, Ленинграде, Минске и Москве [см., напр.: Поздняков, 1986, с. 122; Аскеров, Павлючик, Захарова, 1986, с. 4–5]. Кроме того, создавались государственные видеоцентры, которые должны были в себе объединить функции производства и реализации новых аудиовизуальных продуктов [ГАРФ, ф. А546, оп. 1, д. 2065, л. 16; Пинский, 1986, с. 10–11]. Организацией этих пространств занимались региональные ведомства Госкино. Несмотря на первые успехи в попытке сделать видео феноменом массового потребления, государственные организации сталкивались с различными трудностями. Проблема поиска и оборудования помещений [Аскеров, 1986, с. 10; Бурлакова, 1986, с. 2] зачастую соседствовала с ограниченным репертуаром и низким на него спросом у населения [Белкова, Тараян, 1986, с. 5]. Такие особенности функционирования новых организаций неизменно отражались и на отчетах республиканских комитетов по кинематографии. Так, несмотря на льготы, регулярно выдаваемые государственным видеотекам и видеозалам², отчеты свидетельствовали о провальном валовом

¹ Период перестройки стал временем, когда партия фундировала идеологическую риторику посредством обращения к категориям построения новой социалистической нравственности [см., напр.: Doucette, 2017; Sauve, 2018].

² Например, Министерством финансов (решением от 18.02.1987 г.) видеорганizations в 1987 г. были освобождены от уплаты налогов с доходов от демонстрации видеофильмов и программ [ГАРФ, ф. А546, оп. 1, д. 2009, л. 30]. В следующем году действие решения было продлено из-за внушительной убыточности [РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1983, л. 1].

сборе, например, в РСФСР [см., напр., отчет за 1988 г.: ГАРФ, ф, А546. оп, 1, д. 2058, л. 161–162].

Эти трудности были сопряжены с главной проблемой — снабжением, в особенности видеоаппаратурой (видеопроекторными системами и кассетами). Такая ситуация была вызвана неразрешимыми противоречиями, пронизывающими советскую систему распределения и ее новые перестроечные формы. Для того чтобы объяснить, почему складывается такое положение, акторы эпохи активно пользовались риторикой критики бюрократизма, которая воспроизводилась периодическими изданиями и иными источниками. Например, в газете «Труд» описывалась деятельность межсоюзного Дома самодеятельного творчества (г. Харьков), который регулярно сталкивался с нерешенными задачами обновления технического оборудования для проведения видео-мероприятий. Заведующая культурно-массовым отделом облсо-впрофа обращала внимание на то, что заявки «долгий срок кружат по инстанциям». А причиной этого феномена назывался тот факт, что «аппаратура заманчиво лежит на магазинной полке, но продается только за наличные. На базе же по безналичному расчету ее “нет в наличии”» [Легостаева, 1986, с. 3]. Выход же из сложившейся ситуации виделся в «повышении своей грамотности в вопросах планово-экономического снабжения», которая должна была воплотиться в «настойчивом штурме» руководителей предприятий, клубов и т. д.

Тем не менее выстраиваемое в печати соотношение между отсутствием новой техники в системе снабжения и некомпетентностью локальных чиновников далеко не всегда имело связь с реальным положением дел. Проблема крылась в самой системе снабжения, в которой союзный производитель пока был не готов отвечать резко возросшему спросу населения. Первый советский видеомагнитофон массового пользования «Электроника ВМ-12» был произведен в первой половине 1980-х гг., и его стоимость в 1986–1988 гг. была около 1200 руб. [Бельянский, 1986, с. 4]. Председатель Госкино УССР в 1987 г. отмечал, что «в нынешнем году наша электронная промышленность осилит 40 тысяч видеомагнитофонов, в 1990 году их годовой выпуск возрастет до 60 тысяч» и называл эти цифры «дистрофическими», особенно в контексте того, что «качество “Электроника ВМ-12” оставляет желать лучшего» [Стадниченко, 1987, с. 3].

Но и импортный инвентарь был слабо подчинен плановой советской системе распределения. Зарубежную технику становилось все сложнее вписывать в реалии прежнего механизма, поскольку государство остро нуждалось в иностранной валюте. В конъюнктуре падения мировых цен на нефть с 1986 г. произошло сокращение импорта потребительских товаров [Kotkin, 2003, p. 65–66], что неизменно отразилось на распространении новой технологии. Единственным способом каким-то образом поставлять необходимую технику в стране был так называемый «безналичный расчет» [см.: Zubok, 2021, p. 30–33]. В такой системе деньги напоминали скорее виртуальную условную стоимость, поскольку то или иное оборудование (согласно плану) просто передавалось с баланса одного предприятия на баланс другого. Этот механизм распределения был жизнеспособным благодаря вышестоящим над

предприятиями и объединениями ведомств, которыми закладывались определенные «лимиты» на функционирование конкретного производства и развития отрасли.

«Старая» система распределения в вопросах развития видеодела в стране была надломлена в январе 1986 г. созданием Всесоюзного производственно-творческого объединения (далее – ВПТО) «Видеофильм». На организацию, находившуюся в прямом подчинении Госкино СССР, была возложена задача по обеспечению к 1990 г. выпуска кассет с записями видеопрограмм до 1 млн штук в год, а также открытия к этому же сроку 300 пунктов проката кассет и 1000 видеозалов [ГАРФ, ф. 5446, оп. 147, д. 1033, л. 96, 99]. Со временем планы и влияние организации неуклонно росли. На этой почве появлялись новые замыслы¹. Это способствовало тому, что аппарат ВПТО множился и, соответственно, увеличивалось его влияние на решение вопросов о материально-технической базе в области развития отрасли. Такое положение раскалывало органы кинематографии, поскольку оно стало причиной прямого столкновения между представителями «старой» системы развития кинематографа и актором «нового» типа (то есть «Видеофильмом»).

Например, докладывая в союзный комитет, председатель Госкино РСФСР в 1988 г. заключал, что проблемы простоев из-за недостаточной подготовки помещений и скудность репертуарной базы не были основными причинами медленных темпов освоения сферы. Н. Я. Сычев отмечал, что зачастую низкое качество отечественного оборудования в совокупности с отсутствием актуального распределения комплектующих приводило к тому, что «...оперативный ремонт [техники] невозможен из-за отсутствия резервных блоков и запасных частей..., [а также] к неравномерному распределению видеотехники по областям, длительным простоям помещений, подготовленных для организации видеопокказа» [ГАРФ, ф. А546, оп. 1, д. 2065, л. 4].

Судя по отчетам республиканского комитета по кинематографии в РСФСР, в положении, когда выполнение плана строго зависело от снабжения необходимым инструментарием, государственные предприятия по типу видеотек, залов и центров просто недополучали необходимого оборудования, поскольку «[“Видеофильм”] не считаясь с нашими финансовыми планами, напрямую заключает договоры с организациями, не входящими в систему Госкино, что приводит к неравномерному распределению видеотехники» [ГАРФ, ф. А546, оп. 1, д. 2065, л. 4]. Одним из таких примеров стал срыв лимитного комплектования видеокассетами системы Госкино РСФСР². Так, за счет балансов видеотек и салонов, предприятие под руководством О. Уралова³ осуществило тиражирование кассет для ВЦСПС и других организаций.

¹ О планах по созданию спутникового видеоканала см.: Ладынин, 1989, с. 3; об обустройстве проекционных систем в местах общественного пользования (речь о вокзалах) [см.: РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1984, л. 4].

² Схожие примеры обнаруживаются и применительно к другим республикам [см., напр.: РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 2020, л. 47–48].

³ Генеральный директор ВПТО «Видеофильм» с 1986 г.

В результате, на места были разосланы недублированные иностранные программы, которые «осели на полках мертвым грузом» [ГАРФ, ф. А546, оп. 1, д. 2065, л. 5]. Материалы периодических изданий эпохи также свидетельствуют о том, что ВПТО зачастую не было «партнером надежным и ответственным», поскольку не выполняло своих обязательств по предоставлению в видеотеки и залы запрашиваемых кассет и инвентаря [Орлов, 1988, с. 3].

Видение положения дел в «Видеофильме» было отличным от республиканских комитетов по кинематографии. В ответе на процитированный выше отчет Сычева генеральный директор «Видеофильма» причиной «мертвых грузов» называл некомпетентность как сотрудников на местах в видеоорганизациях, так и в республиканском Госкино по вопросам определения спроса и тиражей. При этом, директор ВПТО отмечал, что поскольку ЦК КПСС и Совет Министров СССР поставили задачу открытия 1000 видеозалов, то из-за неустроенности помещений подконтрольных Госкино РСФСР, «Видеофильм» «вынужден» заключать хозяйственные договоры с другими министерствами и ведомствами, представляющими для видеозалов готовые помещения, в том числе и на территории РСФСР [РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1984, л. 44]. В заключительной части ответа причиной всех бед в развитии видео на территории РСФСР называлось «продолжение отстаивания системы, при которой расходы видеотек и видеозалов планируются максимальные, а доходы минимальные», поэтому Уралов практически призывает Госкино республики к «внедрению хозрасчета, бригадного, арендного подряда при обслуживании видеотек, видеозалов, позволяющего резко сократить расходы на их содержание» [РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1984, л. 46].

Необходимо отметить, что за этим призывом скрывается важная особенность функционирования организации «нового» типа. Поскольку «Видеофильм» изначально создавался как хозрасчетное объединение, то в его компетенции было заключение арендных соглашений с иными организациями на предоставление оборудования и его обслуживание. Комитеты по кинематографии в республиках выстраивали свои взаимоотношения с «Видеофильмом» «по-старому», то есть как с подразделением в системе Госкино СССР, за которым закреплены функции распределения и снабжения. Но важно понимать, что ведомство имело практически полную свободу в определении условий договоров, начиная от стоимости аренды, заканчивая формами ведения бухгалтерской и статистической отчетности¹. Таким образом, нежелание или невозможность республиканских комитетов переходить на новый, арендный, способ взаимоотношений с ВПТО затрудняли организации выполнение планов по обустройству видеотек и залов, а также препятствовали цели максимизации получаемого дохода с предоставляемых услуг.

¹ Об этом, например, свидетельствует отчет Комитета народного контроля по проверке деятельности видеосалонов и видеозалов ВПТО «Видеофильм» в Москве и Московской области [ГАРФ, ф. Р-9527, оп. 1, д. 9972, л. 40–43].

Таким образом, видеосфера стала новой отраслью, в которой началась борьба между различными ведомствами. Видеоресурсом постепенно начинало завладеть ВПТО «Видеофильм», что безусловно отражалось как на официальных, так и теневых планах региональных комитетов по распределению материально-технической базы. При этом, проблема слабой оснащенности оборудованием сама собой никуда не могла исчезнуть, а поскольку распределение было центральным местом, требующим решения в перестроечной реальности, то и назревала реформа существовавшей бюрократической модели.

«Равновесие» реальности, в которой распространением видео в стране занималось Госкино СССР посредством своих организаций в республиках, нарушилось институциональной перестройкой в кинематографической сфере в целом, отправной точкой которой стало октябрьское Постановление № 1266 «О генеральной схеме управления кинематографией» (1988 г.). Реформа в контексте развития видеододела воплотилась в двух значимых аспектах. Во-первых, генеральный директор «Видеофильма» становился еще и заместителем председателя Госкино, что делало его фактически главным официальным распорядителем видеоресурса в стране. Во-вторых, все республиканские комитеты по кинематографии упразднялись [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 149, д. 78, л. 10, 25]. Все их полномочия предполагалось распределить между существующими студиями и вновь созданными в результате реформы киновидеообъединениями, контроль над которыми, с одной стороны, должен был осуществлять союзный комитет, с другой, отделы культуры местных республиканских министерств или региональных исполнительных комитетов.

Фактически, реформа управления кинематографией представляла собой воплощение Закона о государственном предприятии в миниатюре. Предполагалось, что за Госкино СССР останется важнейшая функция планирования производственной и финансовой деятельности на основе «долгосрочных экономических нормативов, контрольных цифр и государственных заказов» [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 149, д. 78, л. 15]. Создаваемым киновидеообъединениям предписывалось основывать свою деятельность на внедрении полного хозрасчета и экономической самостоятельности. То есть, в этой формулировке о новых организациях практически воплощалось в реальность раннее требование ВПТО «Видеофильм» к республиканским комитетам кинематографии по установлению арендно-договорных отношений. Тем не менее, институциональная реформа сама по себе не могла решить проблемы лимитов, дефицита видеопроекционных систем, обустройства помещений под видеотеки и салоны и пр.

Пока внутри системы Госкино развивались неразрешимые внутренние противоречия по поводу обустройства видеододела в стране, появлялись новые агенты, которые брали на себя функции использования новой технологии для различных целей. В первую очередь речь идет о «частном секторе». Нередко в материалах периодической печати деятельность внутри него называлась «вредной», а сами распространители кассет именовались «видеодельцами» [Киселев, 1986, с. 5]. Такие образы были близки представлению о преступной деятельности внутри страны,

фундаментом которой становилось либо желание обогатиться за счет нетрудовых доходов, либо внешний контроль видеопотока с целью заработка и нравственного влияния на советскую действительность [см., напр.: Васильева, 1986, с. 4].

Тем не менее, иногда под так называемым «подпольным сектором» подразумевался обычный частный обмен кассетами и новые формы организации видеододела. Дело в том, что новая партийная риторика о «трудовых коллективах» и мелком частном предпринимательстве быстро нашла воплощение в виде законодательных актов и реальных предприятий местного масштаба. Сложный процесс перестроечного уточнения того «что можно, а что нельзя» в сфере негосударственного бизнеса проходил путь от «Закона об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.) до «Закона о кооперации в СССР» (1988 г.) [Митрохин, 2023, с. 436–458]. Первые начинания индивидуальных трудовых коллективов допускались в форме мелкого семейного бизнеса на основании кооперативного устройства на локальном уровне (от открытия кафе, продажи собственной произведенной продукции и т.д.). В сфере видео такие организации также начинали появляться и вполне успешно функционировать. Особенно это было актуально в контексте реализации антиалкогольной кампании, поскольку видео считалось отличной заменой предыдущим формам досуга в барах и ресторанах [см., напр.: Ананьев, 1988, с. 16].

Но и деятельность так называемых «дельцов на коммерческом фронте» в годы перестройки также набирала обороты. В ситуации, когда репертуар государственных видео-учреждений не отвечал потребительским запросам населения, а функционирование этих салонов и залов затруднялось неэффективной распределительной системой, удовлетворением спроса граждан стали заниматься частные организации. Далеко не всегда демонстрируемый материал был «легальным», то есть не был продуктом закупленным, произведенным и растиражированным системой Госкино. Основным источником наполнения предложения стал «черный рынок». Базовый способ его развития был связан с простотой в использовании видеотехнологий: кассеты попадали в СССР из-за границы, перезаписывались на чистые носители и реализовывались внутри страны. Причем «коммерсанты» гораздо более чутко подходили к запросам аудитории. По подсчетам ВПТО «Видеофильм» к середине 1988 г. в государственных фондах было немногим более 1000 наименований видеопроизведений, в то время как на «стихийном» рынке около 10000 [Валентинова, 1988, с. 6]. Такая ситуация имела множество последствий, одним из которых стала мобилизация граждан на борьбу с «морально-нравственным разложением» советской реальности. Многие жители СССР выстраивали причинно-следственные связи между тем, что демонстрировалось на экранах видеосалонов (причем, как легальных, так и незаконных) и социальной действительностью, в которой стали возможны разговоры о жестоких преступлениях, наркомании, алкоголизме, коррупции и т.д. [см., напр.: Трефилов, 1989, с. 4].

Помимо системы Госкино и частного сектора другие государственные организации также были интегрированы в процесс борьбы за новый ресурс. Например, ВЛКСМ заключал пояснения необходимости использования видеофильмов и программ в

термины ведения политико-воспитательной работы и культурного строительства. Так, комсомол к 1988 г. представлял собой достаточно влиятельную организацию по вопросам обустройства и функционирования видеоорганизаций на территории СССР. Более того, Отделом культуры ЦК ВЛКСМ планировалось создание хозрасчетного молодежного видеоинформационного агентства (МВА), которое было бы наделено правами создания, тиражирования и распространения видеопродукции. Соответственно, подобные инициативы создавали угрозу интересам ведомств Госкино. Об этом свидетельствуют обращения директора «Видеофильма» в ЦК ВЛКСМ о необходимости урегулирования противоречий между этими системами производства новых форм потребления в Союзе [РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1984, л. 10, 60]. Так, например, чиновниками из мира кинематографии не ставилось под сомнение право использования видео для идеологической работы внутри комсомольской организации, однако выдвигалось требование использования фонда видеопроизведений, которые были закуплены «Видеофильмом», если демонстрация продукции производилась на коммерческой основе¹. Такое условие было вызвано, с одной стороны, стремлением оставить ВПТО монополистом в деле покупки картин и программ за границей, а, с другой стороны, необходимостью снизить издержки от конкуренции, которые появлялись из-за деятельности комсомольских салонов и накладывали отпечаток на рентабельность заведений из системы Госкино.

Также свои видеоорганизации распространяли по Союзу Министерство бытового обслуживания населения, Министерство торговли, Министерство культуры и ВЦСПС. Совет профессиональных союзов по масштабам освоения был близок к показателям комсомола и претендовал на некоторую самостоятельность в формировании практик демонстрации фильмов и программ [РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1927, л. 45]. В результате решений XVIII съезда профсоюзов СССР (1987 г.) преобразовывались межсоюзные дома самодеятельного творчества, на базе которых создавались новые подразделения в форме отделов киновидеообслуживания, видеотек и т.д. Опираясь на риторику использования видеопрограмм для идейно-воспитательной работы с населением, к январю 1989 г. в системе профсоюзов было создано более 2000 видеотек, залов и салонов. А к 1990 г. их количество планировалось довести до 6000. Более того, ВЦСПС, как и другие ведомства, занимались организацией не только платной демонстрации фильмов и роликов, но и обеспечением продукцией и оборудованием культурчреждений, центров досуга, общежитий, государственных пунктов обменов кассетами, а также частных кооперативов [ГАРФ, ф. 5451, оп. 28, д. 3391, л. 21–23]. Последний пункт в этом списке имеет особое значение, поскольку с самого начала функционирования кооперативов в годы перестройки освоение видео спровоцировало сопряжение государственных и частных инициатив. В то время, пока в системе Госкино разворачивался конфликт в борьбе за влияние над новым ресурсом, культпросветучреждения

¹ По оценкам планово-экономического и финансового управления Госкино СССР только в 1988 г. ВЛКСМ было закуплено около 2500 видеомагнитофонов. При таких темпах освоения новой техники к 1990 г. прогнозировалось открытие 2500 комсомольских видеозалов [РГАЛИ, ф. 2944, оп. 1, д. 1927, л. 45].

других ведомств активно заполняли пустующее пространство неудовлетворенного спроса населения [см., напр.: Орлов, 1988, с. 3]. Использование инструментария из фондов союзных институтов в совокупности с частными коллекциями видеокассет провоцировало значительную часть демонстраций «нелегальных» произведений в стенах салонов. Эта особенность перестроечной действительности только ускорила развитие «черного рынка».

В такой реальности перед системой Госкино СССР вставал вопрос о том, как регулировать «стихийный» поток видеоматериалов на территории страны. К 1988 г. игнорировать феномен видеопиратства было просто невозможно, что стало отравной точкой для введения ограничительных мер. В конце года Советом Министров СССР было издано Постановление № 1468 «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом о кооперации в СССР», которое стало отправной точкой формирования нового подхода к регулированию видеододела в СССР. Фактически, по нему предполагался запрет кооперативной деятельности в сфере видеододела. Однако на практике оно не всегда реализовывалось. Более того, существовавшее сопряжение ведомств, находящихся вне структур Госкино, с частным сектором создавало зазор для обхода Постановления.

Положение дел в области развития видео в границах 1985–1988 гг. не было однозначным. Так, был спровоцирован конфликт между республиканскими комитетами по кинематографии и главной видеоорганизацией в стране (ВПТО «Видеофильм»), который был разрешен введением новой схемы управления и упразднением комитетов. В основе этого конфликта было принципиальное расхождение в вопросах функционирования распределительной системы: «старые» институты надеялись решать вопросы снабжения как привыкли, а «новые» рассчитывали на скорейший переход к договорным основаниям ведения дел. Безусловно, такая ситуация отражалась на предложении видеопродукции в стране, неудачи восполнения которого решались частными кооперативами и иными государственными институтами. Кооперативы и культпросветучреждения часто находили друг друга и сообща выполняли эту задачу на коммерческой основе. Это не могло не спровоцировать появление «черного», «стихийного» рынка видеопродукции, поскольку в деле освоения сферы оставалось слишком много лакун и слепых зон.

«Сборка колоколен. Демонтаж ракет. / Снежный лес несет абстрактным Фидием. / Русь, куда несешься ты? Дай ответ. / Даст ответ — / действительный, а не видео». Такими строками завершалась первая часть поэмы А. Вознесенского, в которых сохранялся некоторый оптимизм о будущем, несмотря на стремительные изменения повседневности, связанные в том числе с видеобумом. Конфликт между «контролируемой» и «неконтролируемой» видеофикацией страны на границе 1988–1989 гг. только начинал подсвечиваться в обществе. Но уже в это время «подпольный» мир видеосферы стал плодородной почвой для неподотчетной деятельности многих государственных учреждений. А в последующие годы он был связан с радикальным сломом существующих структур распространения аудиовизуальной информации и с совершенно новыми практиками ее потребления в обществе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев В.Г. Бар без алкоголя. М.: Экономика, 1988. 144 с.
- Аскеров Э. На задворках // *Советский экран*. 1986. № 15. С. 10.
- Аскеров Э., Павлючик А., Баскакова М. Заботы «домашнего кинотеатра» // *Советский экран*. 1986. № 8. С. 4–5.
- Белкова Г., Тараян Н. Приходите завтра // *Советская культура*. 1986. 10 июня (№ 69). С. 5.
- Бурлакова Т. ...Мы хотим сегодня, мы хотим сейчас! // *Советская Эстония*. 1986. 27 апреля (№ 103). С. 2
- Валентинова Е. «Черный рынок» видео. Интервью со старшим редактором ВПТО «Видеофильм» А. Готлибом // *Правда*. 1988. 10 августа (№ 223). С. 6.
- Васильева Л. Большой иллюзион, или Истории из истории видео // *Московский комсомолец*. 1986. 4 декабря (№ 279). С. 4.
- Вознесенский А. Видеопоэма // *Литературная газета*. 1988. 5 октября (№ 40). С. 6.
- Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М.: Издательство политической литературы, 1987. 62 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А546. Оп. 1. Д. 2009.
- ГАРФ. Ф. А546. Оп. 1. Д. 2058.
- ГАРФ. Ф. А546. Оп. 1. Д. 2065.
- ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 147. Д. 1033.
- ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 149. Д. 78.
- ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 28. Д. 3391.
- ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 9972.
- Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
- Киселев А. Приглашение в видеосалон. Интервью с генеральным директором венгерского кинообъединения МОКЕЙП Й. Гомбаром // *Советская Россия*. 1986. 3 декабря (№ 278). С. 5.
- Косинова М.И. Активизация телевидения и видео в период «Застоя» как один из факторов снижения кинопосещаемости // *Вестник университета*. 2016. № 11. С. 248–251.
- Кудрявцев С.В. Контакт третьего типа // *Техника кино и телевидения*. 1988. № 4. С. 27–31.
- Ладынин А. Подпишитесь на видеоканал? Интервью с директором ВПТО «Видеофильм» О.В. Ураловым // *Советская Россия*. 1989. 11 июня (№ 135). С. 3.
- Легостаева А. Наш друг видео // *Труд*. 1986. 4 февраля (№ 29). С. 3.
- Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 608 с.

- Орлов В. Злоключения «видео» // *Правда*. 1988. 3 мая (№ 124). С. 3.
- Пинский Б. Заявка на инициативу. Интервью с руководителем видеосада В. Савельевым // *Советский экран*. 1986. № 15. С. 10–11.
- Поздняков А. Страсти вокруг видео // *Аврора*. 1986. № 10. С. 121–128.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. Оп. 1. Д. 1927.
- РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 1983.
- РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 1984.
- РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 2020.
- Сильванович О.И. Видео и кинематограф: взаимопроникновение // *Техника кино и телевидения*. 1988. № 10. С. 28–32.
- Стадниченко В. Открытие планеты «видео» // *Правда Украины*. 1987. 29 апреля (№ 99). С. 3.
- Трефилов Ю. Рублем не откупишься // *Ленинградская правда*. 1989. 13 сентября. С. 4.
- Черниговский Д. Видеомагия или видеобезумие? Фрагмент стенограммы конференции «Современное состояние и перспективы развития видеокассетного кино», проведенной во ВНИИ киноискусства // *Неделя*. 1987. 30 марта – 5 апреля (№ 13). С. 14–15.
- Alpert E.R. *Visualizing the past: Perestroika documentary memory of stalin-era trauma*. PhD diss. Pittsburgh, 2014. 242 p.
- Doucette C. *Perestroika: The last attempt to create the new soviet person*. PhD diss. New Brunswick, New Jersey. 2017. 333 p.
- Kotkin S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. New York: Oxford University Press, 2003. 245 p.
- Lawton A. *Before the Fall: Soviet Cinema in the Gorbachev Years*. Philadelphia: Xlibris Corp., 2002. 424 p.
- Sauve G. The Apogee of Soviet Political Romanticism: Projects for Moral Renewal in Early Perestroika (1985–1989) // *Europe Asia Studies*. 2018. Volume 70, Issue 9. Pp. 1–26.
- Zubok V. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven–London: Yale University Press, 2021. P. 30–33.

REFERENCES

- Anan'ev V. G. *Bar bez alkogolya* [Bar without alcohol]. Moscow: Ekonomika, 1988. 144 p. (in Russian).
- Askerov E. Na zadvorkah [In the background], in *Sovetskij ekran*. 1986. No. 15. P. 10 (in Russian).
- Askerov E., Pavlyuchik A., Baskakova M. Zaboty "domashnego kinoteatra" [Difficulties of "home cinema"], in *Sovetskij ekran*. 1986. No. 8. Pp. 4–5 (in Russian).

- Belkova G., Tarayan N. Prihodite zavtra [Come back tomorrow], in *Sovetskaya kul'tura*. 1986. 10 June (No. 69). P. 5 (in Russian).
- Burlakova T. ...My hotim segodnya, my hotim sejchas! [...We want today, we want now!], in *Sovetskaya Estoniya*. 1986. 27 April (No. 103). P. 2 (in Russian).
- Valentinova E. "Chernyj rynok" video. Interv'yu so starshim redaktorom VPTO "Videofil'm" A. Gotlibom ["Black Market" of video. Interview with the senior editor of VPTO "Videofilm" A. Gotlib.], in *Pravda*. 1988. 10 August (No. 223). P. 6 (in Russian).
- Vasil'eva L. Bol'shoji llyuzion, ili Istorii iz istorii video [The Big Cinematography, or Stories from the History of Video], in *Moskovskij komsomolec*. 1986. 4 December (No. 279). P. 4 (in Russian).
- Voznesenskij A. Videopojema [Video-poem], in *Literaturnaja gazeta*. 1988. 5 October (No. 40). P. 6 (in Russian).
- Gorbachyov M.S. *Oktyabr' I perestrojka: revolyuciya prodolzhaetsya* [October and perestroika: the revolution continues]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1987. 62 p. (in Russian).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). F. A546. Inv. 1. D. 2009.
- GARF. F. A546. Inv. 1. D. 2058.
- GARF. F. A546. Inv. 1. D. 2065.
- GARF. F. R-5446. Inv. 147. D. 1033.
- GARF. F. R-5446. Inv. 149. D. 78.
- GARF. F. R-5441. Inv. 28. D. 3391.
- GARF. F. R-9527. Inv. 1. D. 9972.
- Ivanova A. *Magaziny "Berezka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [Shops "Beryozka": the paradoxes of consumption in the late USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 304 p. (in Russian).
- Kiselev A. Priglasenie v videosalon. Interv'yu s general'nym direktorom vengerskogo kinoob'edineniya MOKEJP J. Gombarom [Invitation to the videosalon. Interview with J. Gombar (the General Director of the Hungarian cinema-video organization MOKEYP)], in *Sovetskaya Rossiya*. 1986. 3 December (No. 278). P. 5 (in Russian).
- Kosinova M.I. Aktivizaciya televideniya i video v period "Zastoya" kak odin iz faktorov snizheniya kinoposeshchaemosti [Activation of television and video during the period of "Stagnation" as one of the factors in the decline in film attendance], in *Vestnik universiteta*. 2016. No. 11. Pp. 248–251 (in Russian).
- Kudryavcev S.V. Kontakt tret'ego tipa [Third type contact], in *Tekhnika kino I televideniya*. 1988. No. 4. Pp. 27–31 (in Russian).
- Ladynin A. Podpishites' na videokanal? Interv'yu s direktorom VPTO "Videofil'm" O.V. Uralovym [Subscribe to the video channel? Interview with O.V. Uralov (the director of the VPTO "Videofilm")], in *Sovetskaya Rossiya*. 1989. 11 June (No. 135). P. 3 (in Russian).
- Legostaeva A. Nash drug video [Video is our friend], in *Trud*. 1986. 4 February (No. 29). P. 3 (in Russian).

- Mitrohin N. *Ocherki sovetskoj ekonomicheskoy politiki v 1965–1989 godah. Tom 2* [Essays on Soviet economic policy in 1965–1989. Volume 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 608 p. (in Russian).
- Orlov V. Zloklyucheniya “video” [Misadventures of “video”], in *Pravda*. 1988. 3 May (No. 124). P. 3 (in Russian).
- Pinskij B. Zayavka na iniciativu. Interv’yu s rukovoditelem videocentra V. Savel’evym [Initiative request. Interview with V. Savelyev (the director of the video-center)], in *Sovetski jekran*. 1986. No. 15. Pp. 10–11 (in Russian).
- Pozdnyakov A. Strasti vokrug video [Passion around the video], in *Aurora*. 1986. No. 10. Pp. 121–128 (in Russian).
- Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 2944. Inv. 1. D. 1927.
RGALI. F. 2944. Inv. 1. D. 1983.
RGALI. F. 2944. Inv. 1. D. 1984.
RGALI. F. 2944. Inv. 1. D. 2020.
- Sil’vanovich O. I. Video I kinematograf: vzaimoproniknovenie [Video and Cinema: Interpenetration], in *Tekhnika kino I televideniya*. 1988. No. 10. Pp. 28–32 (in Russian).
- Stadnichenko V. Otkrytie planety “video” [The discovery of the planet “video”], in *Pravda Ukrainy*. 1987. 29 April (No. 99). P. 3 (in Russian).
- Trefilov Y.U. Rublem ne otkupish’sya [You can’t pay off the ruble], in *Leningradskaya Pravda*. 1989. 13 September. P. 4 (in Russian).
- Chernigovskij D. Videomagiya ili videobezumie? Fragment stenogrammy konferencii “Sovremennoe sostoyanie I perspektivy razvitiya videokassetnogo kino”, provedennoj vo VNII kinoiskusstva [Video magic or video madness? A fragment of the transcript of the conference “The current state and prospects for the development of videocassette cinema” held at the Institute of Cinematography], in *Nedelya*. 1987. 30 March – 5 April (No. 13). Pp. 14–15 (in Russian).
- Alpert E.R. *Visualizing the past: Perestroika documentary memory of stalin-era trauma*. PhD diss. Pittsburgh, 2014. 242 p.
- Doucette C. *Perestroika: The last attempt to create the new soviet person*. PhD diss. New Brunswick, New Jersey. 2017. 333 p.
- Kotkin S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. New York: Oxford University Press, 2003. 245 pp.
- Lawton A. *Before the Fall: Soviet Cinema in the Gorbachev Years*. Philadelphia: Xlibris Corp., 2002. 424 p.
- Sauve G. The Apogee of Soviet Political Romanticism: Projects for Moral Renewal in Early Perestroika (1985–1989), in *Europe Asia Studies*. 2018. Volume 70. Issue 9. Pp. 1–26.
- Zubok V. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven–London: Yale University Press, 2021. 535 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023